

УЧЕНЫЙ С ГЛАЗАМИ ПРОРОКА

Е. В. Старостин

В начале 60-х годов ушедшего века в «Доме истории», что на Дмитрия Ульянова 19, царствовали Б. Поршневу, М. Гефтер, А. Манфред. Их семинары, публичные лекции выступления больше привлекали студентов и аспирантов, чем академические доклады, проходившие в устоявшихся структурах, какой была группа «Истории Франции». На одной из таких встреч выступал В.М. Далин. Маленький человек с начинающими седеть по бокам головы волосами, оттопыренными большими ушами и с глазами пророка негромким голосом рисовал перед слушателями продуманную в мельчайших деталях историческую конструкцию с убедительной логикой составляющих ее частей. Мое внимание привлек литературный слог В. М., манера построения фраз, в которых не было лишних слов, повторов, ненужных эмоциональных всплесков, Предложения были лишь внешней звуковой оболочкой, продуманных, идущих откуда-то изнутри мыслей. Полагаю, присутствующие получили удовольствие и от изысканного по форме спора между В.М. Далиным и председательствовавшим на заседании А.З. Манфредом, в котором каждый остался при своем взгляде, продемонстрировав полное уважение к другому.

Вскоре представился случай и поближе познакомиться с В. М. В 1964 г. я завершил учебу в Историко-архивном институте и по рекомендации моего научного руководителя С.О. Шмидта готовил статью о взглядах П.А. Кропоткина на Французскую революцию XVIII в. Далин, опекавший «Французский ежегодник», хотя и сам прошелся по тексту, все-таки предложил показать его А.В. Адо, поскольку в нем сильно звучала «крестьянская тема». Адо прочитав статью, пригласил меня для разговора домой, и мы разобрали дюжину вполне справедливых замечаний.

В.М. Далин напечатал мою статью и, вероятно, вспомнив об авторе, поддержал предложение С.О. Шмидта, издать в серии «Памятники исторической мысли» «Великую французскую революцию» П.А. Кропоткина. Догадываясь о моих неустойчивых познаниях в историографии Французской революции, он пригласил ко мне в компаньоны ученика Я.М. Захера Александра Гордона. Книгу редактировала тактичная Юлия Исааковна Хаинсон. Никогда, ни до, ни после я не работал с такими умными, знающими и деликатными людьми. Даже попытки Л.М. Баткина, курировавшие

го «памятники», учить нас «марксизму», не воспринимались серьезно. Поэтому книга получилась хорошей. В одной из газетных рецензий, опубликованных в северной столице, ее назвали «великолепной», особо отметив неординарное предисловие, написанное главным редактором В.М. Далиным.

Много рабочих встреч в институте, библиотеке и дома один или с Сашей Гордоном провели мы у В. М. О себе и о своем прошлом он почти не рассказывал. Про себя в шутку я называл его «лесорубом», поскольку от Ф.А. Коган-Бернштейн знал, что он за что-то сидел и валил лес в тайге. Хотя В. М. и был репрессирован, в нем я не чувствовал озлобленности на прошлое. Интуитивно я относил его к категории той революционной молодежи начала двадцатых годов, которые с восторгом встретили социальную революцию и до последних своих дней оставались верны идеалам своей юности: равенству, братству и солидарности. Не помню, чтобы он критиковал пороки советского общества.

Дома В. М. довольствовался байковой рубашкой, мягкими просторными брюками и очень большими шлепанцами, которые он обычно резервировал для гостей. С большим юмором он рассказывал о том, как, побывав во Франции, вернулся «высоким» в ботинках на очень толстой подошве, которые он называл «антигрипп».

Еще одна сторона научного почерка В.М. привлекла меня: он обладал удивительным качеством «архивной ищейки», шла ли речь о рукописях Г. Бабефа, архиве П.А. Кропоткина или бумагах другого исторического лица. Даже предисловие к «Великой французской революции» Кропоткина он написал, используя его неизвестную переписку с Джеймсом Гильомом, видным теоретиком и практиком западноевропейского анархизма. Она позволила Далину придти к очень свежим выводам и оценкам. Хотя Кропоткин и прожил свыше сорока лет за границей, он был и остался, по мнению В. М., представителем российской школы исторической науки в изучении Французской революции.

Конечно, в истории исторической науки В.М. Далин оставил яркий след, но в моей памяти он сохранился и как Великий учитель молодежи, научно строгий, но тактичный, не требующий почитания, восхваления и т.п. Он жив и будет жить в своих книгах, поскольку, как говорили в древние, «*verba volant scripta manent*».